

Таким образом, наличие в УК положений, нарушающих его системность, усложняет применение УК, создает предпосылки для принятия неодинаковых решений в юридически одинаковых ситуациях. Нарушающие системность УК положения не являются коллизиями в собственном смысле этого слова, их следует также отличать от исключений в уголовном праве (исключений в УК).

УДК 343.62

О.А. Осипенко

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В ЧАСТИ УСТАНОВЛЕНИЯ ЕДИНОГО ВОЗРАСТА ВОЗЛОЖЕНИЯ ОБЯЗАННОСТЕЙ ПО СОДЕРЖАНИЮ ДЕТЕЙ

С позиции уголовного права лицо, совершившее преступление, характеризуется признаками (свойствами), которые имеют значение для оценки его личности и влияют на оценку характера и степени общественной опасности деяния. Из множества социальных, психологических, биологических свойств, характеризующих преступника, лишь некоторые из них законодатель вводит в состав преступления в качестве признака субъекта. Так, субъектом преступления в теории уголовного права признается физическое вменяемое лицо, достигшее установленного возраста, совершившее общественно опасное деяние, предусмотренное уголовным законом. Отсутствие хотя бы одного признака субъекта преступления означает отсутствие этого элемента состава преступления, что исключает уголовную ответственность за содеянное.

Правовая регламентация возраста, с которого возникает уголовная ответственность за совершение общественно опасного деяния, предусмотренного ст. 174 УК Республики Беларусь, имеет противоречия. Так, в соответствии со ст. 27 УК уголовная ответственность за рассматриваемое преступление наступает с 16 лет. Однако эта ответственность может иметь правовое основание, если лицо с этого возраста имеет установленную законодательством обязанность, подтвержденную судом, уплачивать средства на содержание детей. По действующему законодательству обязанность несовершеннолетнего лица по уплате средств на содержание детей не имеет однозначной правовой регламентации. Такая обязанность возникает в случае, если лицо, достигшее 16-летнего возраста, признано эмансипированным (полностью дееспособным) в соответствии со ст. 26 ГК, что возможно когда несовершеннолетний работает по трудовому договору (контракту) или с согласия родителей, усыновителей или попечителя занимается предпринимательской деятельностью. Возможность несовершеннолетнего, если он не признан эмансипированным, иметь полную дееспособность и, следовательно, выступать лицом, обязанным уплачивать средства на содержание детей, а значит, выступать субъектом рассматриваемого преступления, не установлена в КоБС. Если обратиться к правовым источникам, имеющим косвенное отношение к этому вопросу, то следует отметить, что в ст. 18 КоБС определен возраст вступления в брак, что, как сказано в ст. 12 КоБС, порождает для сторон взаимные права и обязанности, и это можно трактовать и как обязанность по содержанию детей. Возраст вступления в брак установлен с 18 лет, но может в исключительных случаях, обусловленных беременностью, рождением ребенка, а также в случае приобретения несовершеннолетним полной дееспособности до достижения совершеннолетия, снижен не более чем на три года органом, регистрирующим акты гражданского состояния, т. е. вплоть до 15 лет. Однако эти положения не дают оснований устанавливать несовершеннолетнему обязанность уплачивать средства на содержание детей, за уклонение от выполнения которой он подлежит уголовной ответственности, если он не признан эмансипированным, в случае, когда является родителем ребенка, но не вступил в брак. При анализе проблемы возраста, с которого наступает ответственность за уклонение от уплаты алиментов, необходимо для сравнения обратить внимание на установление возраста, с которого возникает обязанность родителя возмещать расходы, затраченные государством на содержание детей (ст. 93 КоБС): за несовершеннолетних родителей расходы, затраченные государством на содержание детей, находящихся на государственном обеспечении, возмещаются родителями, усыновителями этих несовершеннолетних родителей; при отсутствии родителей, усыновителей, а также в случае непогашения расходов на содержание детей, находящихся на государственном обеспечении, родителями, усыновителями возмещение указанных расходов, начиная со дня помещения ребенка на государственное обеспечение, осуществляется несовершеннолетними родителями после достижения совершеннолетия либо с момента приобретения ими до достижения совершеннолетия дееспособности в полном объеме. Из данной нормы следует, что возмещение государственных расходов на содержание детей осуществляется родителем после достижения им совершеннолетия либо с момента приобретения дееспособности в полном объеме, путем признания несовершеннолетнего эмансипированным, а, следовательно, с этого возраста возникает и основание привлечения его к уголовной ответственности за уклонение от выполнения этой обязанности. Из содержания ст. 93 КоБС также вытекает, что родители и усыновители хотя и обязаны возмещать вместо своих несовершеннолетних детей такие расходы, но не несут юридическую ответственность за это возмещение, поскольку в случае невозмещения ими этих расходов обязанность по возмещению переходит на достигших совершеннолетия детей, являющихся родителями ребенка, находящегося на государственном обеспечении. Как видно из приведенного анализа, возникает правовая ситуация, когда выполнение под угрозой уголовного преследования обязанности в виде уплаты средств на содержание детей, различающейся адресатом этих средств, возлагается в одном случае только на лицо, достигшее совершеннолетия (уплата средств государству за содержание детей), а в другом случае – на не достигшее совершеннолетия (уплата средств другому родителю). Такая ситуация требует упорядочения законодательства в целях достижения справедливого равенства возложения уголовной ответственности с одного и того же возраста за совершение деяния одного и того же вида. Решение данной проблемы возможно двумя путями: либо законодательно установить обязанность уплаты алиментов с 16-летнего возраста с возможностью привлечения к уголовной ответственности за ее невыполнение, либо по достижении совершеннолетия,

аналогично, как предусмотрено в ст. 93 КоБС применительно к возмещению государственных расходов по содержанию детей. Для определения оптимального варианта решения проблемы важно учесть, что несовершеннолетние родители имеют ограниченные возможности исполнять такую обязанность в силу отсутствия профессиональной квалификации и низкой возможности трудоустройства, а это значит, что для них повышается вероятность быть привлеченным к уголовной ответственности за уклонение от уплаты средств на содержание детей. В то же время неуплата средств на содержание своего ребенка приносит вред как ребенку, так и родителю, с которым он проживает, поэтому решение рассматриваемой проблемы с наименьшими издержками возможно путем установления в ст. 92 КоБС правовой регламентации по уплате алиментов, аналогичной, как это установлено в ст. 93 КоБС по уплате средств на возмещение государственных расходов на содержание детей. Для этого в ст. 92 КоБС необходимо внести следующее дополнение: «За несовершеннолетних родителей, если они не признаны эмансипированными, выплату алиментов осуществляют их родители или усыновители. При отсутствии родителей, усыновителей, а также в случае непогашения задолженности по алиментам родителями, усыновителями их погашение осуществляется несовершеннолетними родителями с момента приобретения ими дееспособности в полном объеме либо после достижения совершеннолетия».

УДК 343.26

Л.В. Павлова

О ГУМАНИЗАЦИИ УГОЛОВНОГО ЗАКОНА ПОСРЕДСТВОМ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВЫХ САНКЦИЙ

Развитие Республики Беларусь как правового государства требует совершенствования национальной системы права, непредвзятой оценки опыта нормотворческой деятельности и практики реализации нормативных предписаний, формирования новых правовых институтов. Особого внимания заслуживают вопросы соблюдения прав граждан даже в тех случаях, когда ими совершены преступления. В этой связи дифференциация ответственности, в том числе на основании уголовно-правовых санкций, в уголовно-правовой науке является одной из актуальных проблем. К ее рассмотрению обращались многие исследователи, работы которых позволили раскрыть различные вопросы, в их числе белорусские ученые В.В. Марчук, Е.А. Реутская, А.Л. Савенок, Э.А. Саркисова, С.И. Тишкевич, В.М. Хомич, А.В. Шидловский.

В теории уголовного права устоялось понимание санкции в широком и узком значениях. При рассмотрении вопросов, связанных с совершенствованием законодательной техники, уголовно-правовую санкцию целесообразно изучать в узком значении – как санкцию нормы Особенной части Уголовного кодекса, закрепляющую наказание (наказания), которое может быть применено к лицу, совершившему преступление. В научной литературе отсутствует единый подход к определению перечня и содержания обстоятельств, влияющих на конструирование санкций. В качестве общей закономерности отмечается необходимость соответствия санкции, равно как и складывающегося уголовного правоотношения в целом, природе и ценности урегулированного общественного отношения. Учету подлежат также концептуальные основы уголовного права, соотношение уголовно-правовых санкций с санкциями смежных отраслей права, соблюдение правил юридической техники и др.

Согласно официальным статистическим данным, осуждение к наказанию в виде лишения свободы в республике остается стабильно лидирующим на протяжении многих лет. Не исключаем, что такое положение дел связано с рассмотрением данного наказания как универсального, что проявляется и в профессиональном, и обыденном правосознании. В то же время анализ действующего УК Республики Беларусь свидетельствует, что в ряде санкций статей Особенной части законодательством предусмотрено по пять-шесть видов наказаний, которые альтернативно могут быть применены к лицу, совершившему преступление (ч. 1 ст. 205, ч. 1 ст. 317 УК и др.). Ученые по-разному оценивают такие нормы. Высказывается мнение, что широкая вариативность в выборе наказания необоснованно расширяет судебское усмотрение, создает коррупционные риски. Подобную критику вызывает и большая разница между нижними и верхними пределами наказания, особенно применительно к лишению свободы за тяжкое преступление. Вместе с тем полагаем, что законодательный подход, сформировавшийся в последние два десятилетия, объективен, обусловлен тенденцией гуманизации уголовного законодательства, имеет временный характер и способствует дальнейшему эволюционному переходу к разнообразным социально приемлемым уголовно-правовым средствам и в целом более гибкой системе реагирования на преступления.

Например, с учетом предыдущего опыта законодательства закрепление в 1999 г. в уголовном законе за отдельные тяжкие преступления наказания в виде лишения свободы предполагалось в качестве единственно возможного; в целях индивидуализации в ряде случаев нижний предел данного наказания устанавливался от трех лет лишения свободы. В настоящее время с учетом социально-экономической политики государства (в соответствии с которой все больше уделяется внимания правам человека, отмечаются важность социализации виновного лица, его включенности в экономику страны, рациональность использования бюджетных средств, снижение уровня смертности и др.) на нормотворческом уровне возможно вести речь о закреплении в таких санкциях более мягких наказаний как альтернативы лишению свободы, когда оно может быть назначено на недлительный срок. Тем самым для суда будет создана социально востребованная возможность выбора между более мягким и более строгим наказанием, между нижним и верхним пределом соответствующего наказания и, очевидно, что назначение более строгого наказания на длительный срок должно будет осуществляться в крайних случаях.

Предлагаемый подход направлен на пересмотр политики карательной направленности и в то же время позволяет сохранить жесткие меры реагирования в отношении лица, в случае совершения преступления с отягчающими вину обстоятельствами. Разумная альтернативность санкции позволяет максимально дифференцированно подойти к решению вопроса об